

ЯПОНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА О РОЛИ ЯПОНИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ч. Кашкараева

Дается попытка общее представление о наиболее любопытных и характерных сдвигах, происходящих в японской политической мысли и имеющих влияние на формирование внешнеполитического курса страны.

Ключевые слова: глобализация; регионализация; модернизация; мировой порядок; политическая наука.

После событий 11 сентября 2001 г. Япония оказалась перед необходимостью переосмысления своей внешнеполитической стратегии. Еще до того, на рубеже столетий, с нарастанием кризисных симптомов в экономике, страна столкнулась с новыми политическими неопределенностями в условиях глобализации. Видный японский экономист Ясусукэ Мураками утверждает, что гегемонистские циклы, наблюдавшиеся в течение нескольких последних столетий, исчерпали себя. Причина в том, что мировая экономика отходит от базирования на национальных экономиках и приобретает черты более интегрированной и глобальной структуры.

В отличие от официальных документов, широкий спектр суждений политологов может дать более адекватное представление о будущей японской политике.

В конце 90-х годов в работах японских политологов на передний план вышла такая проблема, как роль, которую Японии предстоит играть в свете глобальных перемен. Политолог Хидзо Сато из Университета ООН (Токио) считает наиболее фундаментальными два взаимосвязанных процесса: 1) построение новой системы международных отношений в условиях усиления глобализационных процессов; 2) относительное экономическое ослабление США, а также выдвигание на передний план Японии

и других экономических конкурентов. Рассмотрим эти позиции в контексте той роли, которую предстоит играть стране в международных отношениях XXI века.

Мир после “холодной войны”. Среди японского академического сообщества, на наш взгляд, нет существенных разногласий относительно сущности и направления происходящих процессов глобализации. Споры идут вокруг границ применения терминов “глобализация”, “адаптация”, “модернизация”, “интернационализация”.

Термин “интернационализация” (кокусайка) начал активно использоваться еще в 80-е годы и стал, пожалуй, самым модным в японской политологии. Видный японский историк Хироси Вада считает, что “кокусайка” – это естественный исторический процесс, тогда как globalization – в некоторой степени искусственно навязываемая модель. В 1992–1997 гг. группа японских политологов из Университета Цукуба провела исследование основных параметров новой международной системы. По их мнению, термин “модернизация” относится к понятийному ряду мышления, тогда как “адаптация” – к практике. Опираясь на С. Хантингтона, они подчеркивают, что незападная культура никогда не станет западной, даже через значительный период времени. Запад же традиционно оцени-

вал восточные общества с позиций своего доминирования.

В действительности имела место более сложная цепочка. В течение длительного времени Япония была объектом для давления со стороны Запада. Однако она сама развязывала агрессивные войны и рассматривала Корею, Китай и государства Юго-Восточной Азии как объект своей агрессии. Исторический опыт и политические векторы развития привели к некоей двойственности, в результате которой Япония к сегодняшнему дню достигла экономических успехов в качестве современного (модернизированного) капиталистического государства адаптивного типа.

Культуролог Тамоцу Аоки утверждает, что японские ученые раньше скептически смотрели на стремление некоторых американских и европейских политологов видеть в культурных и цивилизационных различиях коренной фактор международных отношений. С окончанием “холодной войны” они не смогли не признать, что роль идеологического фактора практически сошла на нет. Куда более значительную роль в условиях постепенного распада существовавшей системы государств, которые полностью контролировали международные отношения не только с точки зрения разрешения военных конфликтов, но и с точки зрения торговых и культурных вопросов, стал играть социокультурный фактор. Глобализация, по мнению японских исследователей, существенно трансформирует все три уровня в государстве-нации: государственное управление, которое находится на вершине пирамиды; гражданское общество и находящийся между ними политический процесс.

Дискуссии вокруг глобализации далеки от завершения. Однако со всей очевидностью можно сделать вывод: не навязывание ценностей, а гармонизация, не отторжение, а адаптация должны стать непреложным принципом международных отношений XXI века. Реальный путь к гармонизации – это признать различия между нациями и строить отношения, будто этих различий нет. Можно идти различными путями, но при этом сотрудничать в любых сферах.

Японские политологи отмечают наличие четырех возможных сценариев будущего мирового порядка: 1) Pax American; 2) Pax Nipponica; 3) появление соперничающих региональных блоков; 4) совместное лидерство основных держав, притом, что США будут играть роль *prima inter pares*.

Первый сценарий принято рассматривать как самый нереалистичный. Основная идея его: США постепенно теряют мотивацию для единичного вмешательства во все мировые процессы, и Вашингтон ищет более прагматичную роль в новом мировом порядке. Ярким примером этой стратегии является активный поиск союзников по антитеррористической коалиции.

Второй сценарий также представляется маловероятным. Ни одна из держав “второго ряда” потенциально не может перехватить у США доминирующую роль, так как разрыв в мощи слишком очевиден. Хотя в некоторых прогнозах японских экспертов встречаются рассуждения о потенциальной роли Китая и его сближении с Россией. Интересно отметить, что в японских глобалистских схемах России вообще уделяется мало внимания.

По мнению японских политологов, укрепляются некоторые тенденции, которые могут привести к реализации последних двух сценариев. Предпосылкой к этому представляются растущие противоречия между двумя противостоящими друг другу тенденциями – глобализацией (интеграцией) и регионализацией (фрагментацией). Они не исключают друг друга. Усиление регионалистских тенденций может сосуществовать с глобализацией в форме политической координации и сотрудничества. Другой вопрос – научатся ли лидеры Японии, США и других ведущих стран эффективно совмещать региональное и глобальное лидерство.

Характерно, что, по мнению японских политологов, мир без гегемонистской державы обречен на нестабильность и, более того, хаотичность, поскольку некоторые страны захотели бы действовать излишне вольно. В большой группе всегда возникает желание гегемонии. Например, США, считают японские специалисты (Сато и другие), сохранили гегемонистскую ментальность. В случае конфронтации соперников они могут отойти на второй план, а на мировой сцене неожиданно появятся лидеры из числа групп, считавшихся аутсайдерами.

Японии все чаще приходится сталкиваться с трудностями преодоления некогда прочного изоляционистского мышления. Наследство, доставшееся Японии от довоенной эпохи, заставило страну пойти по пути экономической перестройки, отодвинув задачи внешней политики и безопасности на второй план. Растущая зависимость от экспорта заставляет Японию уходить от антагонистических и конфронтационных отношений. Именно этим обстоятельством мно-

гие японские политологи объясняют отсутствие прямолинейности во внешней политике страны. Кроме того, традиция принимать политические решения путем достижения консенсуса затрудняет переход к смелым и быстрым действиям, которые могли бы нарушить баланс национальных интересов. По оценке Сато, в Вашингтоне сложилось впечатление, что Токио не желает ничего делать без внешнего давления.

Два вопроса остаются особенно важными для японцев – это изменение конституции и международная роль страны. Общественное мнение по этим вопросам поляризовано: большинство японцев (70 %) выступает за то, чтобы страна стала постоянным членом Совета Безопасности ООН, но при условии, что она не должна брать обязательства участвовать в боевых операциях. Противники постоянного членства в СБ ООН ссылаются на конституционные ограничения для Японии.

Может ли измениться стиль внешней политики Японии? Вектор изменений обрисовался уже 13 лет назад. Иракское вторжение в Кувейт в августе 1991 г. обнажило давно зревшее недовольство США и их союзников тем, что, как они полагали, Токио не желает брать на себя бремя ответственности в разрешении глобальных политических кризисов. Япония ограничилась выплатой 4 млрд долларов на операцию по усмирению Ирака, тогда как США вкладывали по 100–200 млн долларов ежедневно в ходе подготовки и более 1 млрд ежедневно во время проведения самой операции. Под давлением этих обстоятельств Япония в июне 1992 г. завершила ввод в действие законодательства, которое разрешало направлять вооруженные силы за рубежи страны для участия в операциях ООН. С 1993 г. Япония стала участвовать в акциях ООН по поддержанию мира в Камбодже и других точках мира. Вполне очевидно, что в ближайшем будущем Япония не будет принимать участия в иных военных акциях, кроме операций ООН, и постарается придерживаться традиционной политики в области безопасности, которая основывается на трех китах:

- американо-японской системе безопасности;
- способности Японии к самообороне;
- дипломатии, направленной на сохранение стабильных международных отношений.

Такая дипломатическая активность будет все больше приобретать форму многосторонних усилий, например, в рамках ООН или Форума по безопасности АСЕАН. Время играет на Японию: роль военной мощи в мировой политике подорвана, чему, в частности, способствовало окон-

чание “холодной войны” и не самые убедительные результаты борьбы с терроризмом только силовыми методами. Концентрация Японии на экономических целях тем самым получает более значимую легитимность.

Япония может стать моделью “торгующего государства”, если только избавится от меркантилистского имиджа. Он накладывается на имидж агрессивной державы, который сохраняется у Японии в странах Юго-Восточной Азии. Маневрирование с использованием вооруженных сил за рубежом вызывает негативную реакцию у государств региона. Это удивляет некоторых японских экспертов, указывающих на низкий уровень военных расходов и ограничения, налагаемые конституцией страны на использование вооруженных сил. По всей видимости, они недооценивают стойкость стереотипов: репутация государства складывается из представлений, унаследованных от предыдущих поколений в странах, подвергшихся агрессии, и спекулятивных маневров их политических элит.

В XXI веке лозунг “Продвижение демократизации и мира посредством экономического роста” призван стать программным для Японии. Японские политологи отмечают: в отличие от Латинской Америки, развитие азиатских стран показало, что экономическое развитие тесно связано с демократизацией и так называемые “азиатские тигры” – Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг – наглядное тому подтверждение. Нам кажется, что, говоря о демократизации как о цели японской внешней политики, следует критически подходить к официальной риторике. На протяжении последних десятилетий Япония демонстрировала достаточно спокойное отношение к нарушению прав человека в странах, с которыми развивала торгово-экономические отношения. Среди критериев на первый план ставилась политическая и экономическая стабильность в государствах-партнерах.

Основная задача Японии в формирующейся системе международных отношений XXI века, единодушно утверждают японские политологи, – это помощь развивающемуся миру. Роль Японии как донора и абсорбента импорта из стран Азии, возможно, будет увеличиваться. В этом контексте задача Японии видится в содействии развитию мировой и региональной свободной торговли. Эта тенденция уже проявляется в том, что Япония стала уверенно помогать в создании экономической инфраструктуры в развивающихся странах и субсидировании

экологических мероприятий в рамках программы Рио-де-Жанейро. В 1997 г. на конференции в Киото Япония сыграла видную роль в формулировании задач по преодолению последствий парникового эффекта в мире. В частности, Токио взял на себя обязательства по дорогостоящим поставкам экологической технологии в Мексику, Китай и другие страны.

Сейчас у японцев начинает складываться более прочное ощущение принадлежности к

Азии и к человечеству в целом. Пожалуй, можно согласиться с утверждением Сигэки Хакамады: “Когда в XXI веке развивающиеся страны захотят иметь столь же высокий жизненный уровень, что и развитые страны, наступит мировой энергетический кризис и энергетическая политика превратится в вопрос стратегической важности”. Особый опыт Японии в области ресурсо-и энергосбережения тогда будет невозможно переоценить.